

Лингвистические мутации коронавируса, или об истории означивания новой болезни

Julija Nikolaeva

Università degli Studi di Roma Sapienza, Italy

Abstract The paper focuses on the neologisms that appeared in the Russian language to name «coronavirus». It describes the history of signification of a new disease and a new virus, the origin of the recent pandemic. The study analyses the main naming strategies and describes how medical terminology overstepped the limits of professional sociolect and was assimilated in a common language. Particular attention is paid to the phenomenon of multiple nominations, which developed in an extremely short time, and led to systemic relationships of synonymity and stylistic differentiation, that covered all styles of contemporary Russian literary language from scientific and religious to colloquial.

Keywords Coronavirus. Covid. Neologism. Signification. Russian language. Stylistic differentiation.

Summary 1 Вводные наблюдения. – 2 Коронавирус: от первых фиксаций до моносемичного термина. – 3 Языковая динамика в период пандемии. – 3.1 Коронавирус: возбудитель новой смертельно опасной болезни у людей. – 3.2 Коронавирус – ковид - корона: об означивании новой болезни. – 3.3 Номинативная избыточность и стилистическая дифференциация синонимов. – 4 Краткое заключение.

Peer review

Submitted 2024-10-28
Accepted 2024-11-18
Published 2024-12-18

Open access

© 2024 Nikolaeva | 4.0

Citation Nikolaeva, Julija (2024). "Лингвистические мутации коронавируса, или об истории означивания новой болезни". *Balcania et Slavia*, 4(2), 201-216.

DOI 10.30687/BES/2785-3187/2024/01/004

1 Вводные наблюдения

В условиях поступательного развития языка динамические процессы, инициированные неологизмами, могут затухать и оживляться, растягиваться на несколько десятилетий и не всегда приводить к формированию системных языковых отношений. Однако необычная для социума и человеческого сознания ситуация мировой пандемии и головокружительные ритмы интернет-коммуникации спровоцировали заметное ускорение языковых процессов. В эпоху пандемии слова *коронавирус* и *ковид*, родившиеся в медицинском научном дискурсе, стремительно перешагнули границы социолекта и проникли в общелитературный язык во всех его разновидностях – от юридического дискурса и публицистики до разговорной и сниженно-разговорной речи. Быстро, с которой произошло освоение этих неологизмов в русской языковой системе, воистину поразительна. За пределами профессионального дискурса медицинские термины подверглись семантическому сдвигу, заметно расширили свою семантику и приобрели общезыковое нетерминологическое значение. Одновременно данные неологизмы стали отправной точкой регулярных деривационных процессов (Громенко, Павлова, Приемышева 2020; Зеленин, Буцева 2020; Минеева 2020; Геккина 2021; Митурска-Бояновска 2021, 461-3; 466-7), породили развернутые словообразовательные гнезда (Левина 2020; Рацибурская 2021; Приемышева 2021а, 23; 27-8) и развили системные отношения многозначности и синонимии (Приемышева 2021а, 40-2; Приемышева 2021б, 488-91). Всего за несколько месяцев в русском языке сформировались целые синонимические ряды слов, именующих новое заболевание, в которых прослеживается четкая дифференциация по всем стилям современного литературного языка от научного до разговорно-сниженного.

Оглянемся назад, в те времена, когда вирус, спровоцировавший мировую пандемию, был малоизвестным и новая болезнь не имела еще наименования, и попробуем проследить, как в русском языке происходило означивание этого вируса и вызываемого им заболевания. Наш экскурс в «историю болезни» пройдет путь от медицинского дискурса к дискурсу юридическому, публицистике и доберется до сниженно-разговорной речи. Это позволит продемонстрировать, как шел процесс означивания нового, малоизвестного и загадочного явления внеязыковой действительности, как происходило вхождение неологизмов в язык и как возникали множественные номинации заболевания. Наши дальнейшие наблюдения основаны на следующих источниках (с января 2020 г. до декабря 2021 года): медицинская профессиональная пресса, законодательные акты, центральные и областные газеты, любительская проза и поэзия, блоги и чаты, соцсети.

2 **Коронавирус: от первых фиксаций до моносемичного термина**

Слово *коронавирус* вошло в русский язык через английский как медицинский термин со значением '*вирусный возбудитель желудочно-кишечных и респираторных инфекций*' задолго до недавней пандемии. В английском языке слово *coronavirus* родилось буквально под микроскопом вирусологов в ходе лабораторных наблюдений. Сопоставляя штаммы загадочного вируса, выделенные за несколько лет до этого у человека в Солсбери и Чикаго, с известными уже вирусами инфекционного птичьего бронхита и мышинного гепатита, ученые на основе визуальных наблюдений пришли к выводу о том, что все эти вирусы принадлежат к одной группе. Сообщение о данном научном открытии было опубликовано 16 ноября 1968 года в журнале *Nature*:

Вирионы имеют сферическую форму; наблюдается определенный полиморфизм. Характерным признаком является «бахрома» из округлых или лепестковидных отростков длиной около 200 Ангстрем, непохожих на заостренные отростки, типичные для микровирусов. *Подобная форма, напоминающая солнечную корону из протуберанцев*, наблюдается у вируса мышинного гепатита, а также у ряда штаммов, недавно выделенных у человека, например, B814, 229E и некоторых других. Эти вирусы обладают рядом общих свойств [...] По мнению восьми вирусологов, *эти вирусы входят в одну ранее не выделявшуюся группу. Ученые предлагают назвать ее группой коронавирусов на основании характерной формы, которую вирусы имеют под электронным микроскопом*» (курсив мой – Ю.Н.) (Virology 1968, 650).

Вскоре коронавирусы были действительно выделены в отдельную группу и внесены под этим наименованием в международный таксономический справочник (Wildy 1971), благодаря чему термин быстро проник в медицинский дискурс различных европейских языков как прямое заимствование из английского. Например, в итальянской прессе, слово *coronavirus* впервые появилось в 1970 году и сразу вошло в научные номенклатуры биологии и медицины для обозначения

большого семейства респираторных вирусов, способных спровоцировать широкий спектр патологий – от обычной простуды до тяжелых заболеваний (Marazzini 2020, Pietrini 2020).

В русском медицинском дискурсе первые фиксации слова, видимо, относятся к 1971 году, когда *Медицинский реферативный*

журнал кратко резюмировал содержание одной англоязычной статьи о вирусологии, а *Вестник Академии медицинских наук СССР* осветил на своих страницах историю выделения новой группы вирусов, внесенной накануне в международные англоязычные каталоги под названием *корона-вирусы*. Характерно, что первые фиксации неологизма появляются в прямых переводах с английского и отличаются графической вариативностью *коронавирус* / *корона-вирус* (Шеболдов 1971, 17; Закстельская, Шеболдов 1971, 65-8). Вводя новый термин в русский медицинский дискурс, авторы статьи считают целесообразным пояснить его внутреннюю форму, лаконично перефразируя приведенный выше текст из журнала *Nature*:

при электронноскопии методом негативного контрастирования изображение вириона напоминает солнечную корону. Именно эта особенность вирусов послужила основанием к обозначению их термином “корона-вирусы” (Закстельская, Шеболдов 1971, 65).

Означивание возбудителей различных коронавирусных инфекций у животных и у людей в медицинской терминологии шло рука об руку с уточнением научных представлений об их этиологии. Открытие 1968 года значительно повлияло на процессы номинации, в известной степени обернув время вспять. К этому моменту некоторые вирусы из будущего семейства *Coronaviridae* были описаны учеными как разнородные явления, взаимное родство которых еще не было установлено. Следовательно, их первоначальная номинация не могла мотивироваться сходством с солнечной короной и строилась на иных стержневых признаках, таких, как вызываемые этими вирусами заболевания и нумерация лабораторного сыва, на котором выделялись новые штаммы.

Одна из стратегий номинации – по провоцируемому заболеванию – широко применялась в ветеринарии. Именно такому принципу следовала номинация первого представителя будущего большого семейства коронавирусов, который был изолирован впервые при изучении респираторных заболеваний кур в 1931 году.¹ Он получил тогда в англоязычной научной литературе описательное наименование – *IBV Infectious bronchitis virus* (вирус инфекционного бронхита (Schalk, Hawn 1931), на протяжении почти сорока лет фигурировал под этим названием во

¹ Указанные в данном и следующем абзаце даты относятся к английскому языку. В русском языке датировка вхождения этих терминов в медицинский дискурс обычно отличается на несколько лет, заимствование происходит по принципу семантического калькирования.

всех научных номенклатурах и лишь постфактум был включен в научную таксономию как ACoV - *avian coronavirus* (коронавирус птиц) (Wildy 1971). Означивание коронавируса мышей (MCoV - *Murine coronavirus*) также является иллюстрацией того, как по мере уточнения естественнонаучных знаний о природе этого вируса уточнялась техника его номинации. Вплоть до 2011 года вирус не причислялся к семейству *Coronaviridae*, и его наименование носило более обобщенный характер - *вирус гепатита мышей* (MHV - *Murine hepatitis virus*) (Bailey et al. 1949; Cheever et al. 1949; King et al. 2011).

Другая стратегия номинации - по номеру маркировки лабораторного смыва - применялась, когда началось изучение коронавирусов человека. Так, выделенный в 1965 году в Солсбери штамм первого коронавируса человека вошел в историю вирусологии как B814 (Turgrell, Вуное 1965). Спустя год ученые Чикагского университета изолировали новый штамм и назвали его 229E. (Hamre, Procknow 1966, 190-3).

Поиски стройной научной классификации на едином основании увенчались тем, что международная медицинская терминология выбрала как сквозной принцип сходство с солнечной короной. Эта семантическая мотивация на сегодня является ведущей в таксономии многочисленных представителей коронавирусов, сложившейся к концу 90-х годов прошлого столетия после уточнений и поправок (Pringle 1996; Francki, Fauquet et al. 1991). Она проходит красной нитью по всей классификационной таблице от наименования семейства (коронавирусы), к наименованию родов (альфакоронавирусы, бетакоронавирусы, дельтакоронавирусы и т. д.) и широко представлена в более низком таксоне многочисленных видов (коронавирус летучих мышей, длиннокрылых, китообразных, птиц, дельтакоронавирус свиней, альфакоронавирус 1-го типа, бетакоронавирус 1-го типа, коронавирус тяжелого острого респираторного синдрома и т. д.). Очевидно, что семантически прозрачная мотивация через *корону* вытесняет различные первоначальные техники номинации и становится главенствующей стратегией означивания для этого семейства вирусов.

К началу XXI века в среде вирусологов сложилось мнение о коронавирусах «как об актуальных ветеринарных патогенах, не представляющих особой опасности для человека» (Щелканов и др. 2020, 231). Жесткая закреплённость за строго очерченным кругом референтов способствовала тому, что в первые десятилетия своего существования термин *коронавирус* был моносемичным и циркулировал в узком профессиональном дискурсе биологов и медиков в значении '*вирусный возбудитель желудочно-кишечных и респираторных инфекций*', лишь спорадически появляясь на страницах научно-популярных изданий.

Ситуация кардинально изменилась, когда в конце 2019 года в Китае была зафиксирована вспышка нового, неизвестного до этого времени тяжелого респираторного заболевания, вызванного загадочным вирусом, смертельно опасным для людей. Хотя эпидемия уже была зарегистрирована в г. Ухань и данные об этом были переданы во Всемирную организацию здравоохранения, вирусологи долгое время не могли опознать ее возбудителя. В последний день 2019 г. ВОЗ публикует на разных языках, в том числе на русском, заявление о том, что

принимает к сведению заявление для СМИ о случаях «вирусной пневмонии» в г. Ухань, Китайская Народная Республика (ВОЗ 2020)

и подчеркивает, что речь идет о «пневмонии *неизвестной этиологии*». В первые месяцы следующего года эпидемия охватила многие европейские страны, переросла в пандемию и получила широкую огласку в СМИ, вследствие чего моносемичный термин молниеносно перешагнул границы социолекта, из малочастотного превратился в высокочастотное слово, попал на страницы международной прессы и соцсетей и проник в общелитературный язык и в субстандарт и т.д. Динамичные семантические процессы, запущенные пандемией, носили международный характер и протекали параллельно в разных языках. Рассмотрим, как эти процессы развивались в русском языке.

3 Языковая динамика в период пандемии

3.1 Коронавирус: возбудитель новой смертельно опасной болезни у людей

9 января 2020 г. ВОЗ публикует сообщение о том, что «согласно выводам китайских властей, вспышка вызвана *новым коронавирусом*» (ВОЗ 2020). Агентства ТАСС и РИА Новости в тот же день транслируют эту информацию, и ее подхватывают все российские газеты. Таким образом, слово *коронавирус* в значении '*возбудитель новой атипичной пневмонии*' впервые многократно фиксируется в русскоязычной прессе, адресованной широкой читательской аудитории.

В течение месяца механизмы передачи вируса, его этиология и диагностика находятся под пристальным вниманием ученых. Прогресс эпидемиологических исследований снова идет рука об руку с поисками новой номинации во всех европейских языках: мы снова видим, как фокус микроскопа сужается не только

в научных лабораториях, но и в поисках наиболее точной и однозначной номинации нового вируса. На смену весьма размытому наименованию *новый коронавирус* приходят следующие описательные обороты: *коронавирус, выявленный в Ухане, китайский коронавирус, новый бетакоронавирус (относящийся к тому же семейству, что и ТОРС-КоВ и БВРС-КоВ), новый коронавирус 2019 г.* Из соображений политкорректности ВОЗ отказывается от номинаций, включающих прямую географическую отсылку к конкретной стране. В середине января эпидемиологи идентифицируют новый штамм, который раньше не выделялся у людей, и называют его 2019-нКоВ, калькируя английскую аббревиатуру 2019-nCoV. Это наименование оказалось неокончательным и не задержалось надолго в русском языке,² хотя и оставило свой короткий след в юридическом дискурсе. Наконец 11 февраля 2020 г. на глобальном форуме ВОЗ по вопросам новой коронавирусной инфекции, в котором принимало участие более 300 экспертов из 48 стран, за новым вирусом закрепилось официальное наименование SARS CoV-2 (ВОЗ 2020), сохранившееся и сегодня в русском языке в написании на латинице. SARS CoV-2 является аббревиатурой от английского *'severe acute respiratory syndrome coronavirus'* (тяжелый острый респираторный синдром коронавируса 2) в официальных стилях речи. ТОРС-КоВ, её частичный аналог на кириллице, не получил широкого распространения в силу своей неточности.

В нейтральном стиле общелитературного языка для обозначения этого штамма употребляется гипероним *коронавирус* (Приемышева 2021б, 141). Как явствует из предыдущего повествования, значение этого слова в медицинском дискурсе отсылает нас не к конкретному единичному денотату, а к целому семейству вирусов. Подобная траектория семантического развития отвечает общей логике освоения терминологической лексики в языке и речи. За пределами профессиональных социолектов, укореняясь в общелитературном языке, термины обычно приобретают диффузное значение и трактуются с большой долей приближенности, что позволяет лингвистам говорить о существовании так называемой наивной бытовой терминологии (Июмдин 2012).

² Сходная картина наблюдается и в английском: уже в марте 2020 г. лингвисты отмечают, что словосочетание *novel coronavirus* и его аббревиатуры NCoV и 2019-NCoV отодвигаются на периферию, уступая место другим номинациям (Павлова 2020, 129).

³ Как отмечалось в предыдущих исследованиях (Павлова 2020; Янурик 2021), влияние английского языка на другие европейские языки, в том числе на русский, заметно усилилось во время пандемии коронавируса. По некоторым подсчетам, в русском языке доля английских заимствований в этом пласте лексики может достигать до 70 процентов (Редкозубова 2020, 196–197).

3.2 Коронавирус – ковид – корона: об означивании новой болезни

На февральском глобальном форуме ВОЗ рождается научное наименование не только нового вируса, но и вызываемой им болезни. 11 февраля ВОЗ публикует в Твиттере аббревиатуру COVID-19, расшифровывая ее как *Corona Virus Disease 2019*, или «заболевание, вызванное коронавирусом 2019 года». Твит, благодаря своей социальной значимости, мгновенно разлетается по всему миру, и в разных языках одновременно появляется одинаковый неологизм. По подсчетам ресурса Яндекс. Новости, новый термин встречается в этот день в 195 сообщениях русскоязычной прессы. В русском языке этот неологизм быстро проходит этап графического усвоения (Вепрева, Куприна 2021), в ходе которого аббревиатура на латинице закрепляется за официальным стилем письменной речи, а слово *ковид* входит в каждодневный нейтральный узус (Приемышева 2021б, 81-2).

11 марта 2020 г. ВОЗ объявляет, что вспышка COVID-19 может быть охарактеризована как пандемия, и эта новость приводит к взрыву частотности употребления слов *ковид*, *COVID* и *коронавирус*, а также к стремительному росту их словообразовательной продуктивности. В марте показатели частотности увеличиваются в сотни раз и на протяжении всего 2020 г. поддерживаются с небольшими колебаниями на очень высоком уровне (Приемышева 2021а, 18-19; Вепрева, Куприна 2021, 96-7). Резкий, почти безудержный рост неологической активности приводит к стихийному развитию полисемии, широкой вариативности и некоторому семантическому сумбуру. На этом фоне в живой стихии речи довольно быстро стирается строгое разграничение значений 'вирус' и 'болезнь' между двумя разными словами, предложенное ВОЗ в духе государственного дирижизма.⁴

Языковое сознание носителей русского языка с трудом различает значения 'вирус' и 'болезнь', что выражается в некорректных избыточных словоупотреблениях *коронавирус COVID-19*, *вируса COVID-19*, *французский штамм Ковид-19* и т.д. (Приемышева 2021б, 81; Вепрева, Куприна 2021, 93-4). Об объективных трудностях правильного употребления слова *коронавирус* свидетельствует поток вопросов, непрерывно поступающих в справочную службу популярного информационного портала Грамота.ру с февраля 2020 г. по март 2022 г. Предметом сомнений стало

⁴ Термин, пришедший из французской лингвистики (Guespin, Marcellesi 1986, 17), где он используется для описания активного вмешательства государства в процессы нормализации языка и языковой номинации. Целью подобного вмешательства является модернизация языка и его защита от излишнего иностранного влияния (Baggioni 1974).

нормативное написание этого слова, характер заимствования и особенности его семантики и сочетаемости (Грамота 2022). Настойчивость, с которой вдумчивые читатели повторяют вопрос о правомерности использования буквы 'а' там, где привычнее выглядела бы соединительная гласная 'о', свидетельствует о том, как интенсивно происходит усвоение термина в общелитературном языке.

Как демонстрирует *Словарь русского языка коронавирусной эпохи* (Приемышева 2021б, 82-5; 141-2), в живом языковом узусе уже к маю 2021 г., слова *коронавирус* и *ковид* позиционируются как синонимы. В предельно короткий срок ключевые слова момента параллельно переживают зеркальные семантические сдвиги. Разница значений, изначально подчеркнутая в медицинском дискурсе, стирается, и оба слова начинают использоваться как для означивания болезни, так и для означивания вируса. Сейчас, когда пандемия закончилась и бурные неологические процессы в этом семантическом поле прекратились, отношения синонимии по-прежнему сохраняются. Характерно, однако, что язык как тонкий самонастраивающийся механизм отрефлексировал исконную этимологию слов. По данным гугл, на начало октября 2024 г. частотность употребления коллокации *штамм коронавируса*, непротиворечивой с точки зрения семантического согласования, в 13 раз превышает частотность коллокации *штамм ковида*. Стабилизация семантики заметна и по другим признакам: уходят на языковую периферию или совсем исчезают многие окказиональные значения, родившиеся в разгар пандемии. Например, слово *ковид* во множественном числе в значении '*о больном или зараженном коронавирусной инфекцией; об умершем от этой инфекции*', зафиксированное весной 2020 г. как разговорно-сниженное (Приемышева 2021б, 85), к октябрю 2024 г. исчезло из употребления.

Наряду с нейтральными словами *коронавирус* и *ковид*, в период пандемии в русском языке активно используется их разговорный синоним *корона* (Приемышева 2021б, 136), образованный путем усечения и развивший всего за несколько месяцев полисемию со значениями '*вирус*' и '*болезнь*'. Хотя возникновение этих значений у слова *корона* в русском языке сопоставимо с параллельными процессами в других языках мира, хронология его первой фиксации в русской прессе в 20-х числах января 2020 г., т. е. до первого появления в иноязычных ресурсах, и его вовлеченность в языковую игру и деривационные процессы позволяют утверждать, что перед нами «независимый от внешнего влияния внутриязыковой процесс [...который] апеллирует к национальной культурной базе» (Громенко 2020, 49).

3.3 Номинативная избыточность и стилистическая дифференциация синонимов

Помимо номинаций *коронавирус*, *ковид* и *корона*, получивших в период пандемии международное распространение, в русском языке возникает около 130 наименований новой болезни с различной стилистической окраской. Подобная избыточность на номинативном уровне оценивается исследователями как «редкое, если не уникальное [явление] для истории русского *литературного языка* последних десятилетий» (Приемышева 2021a, 40-1).

В рекордно короткие сроки происходит дифференциация многочисленных синонимов по всем стилям современного литературного языка от научного и церковно-религиозного до разговорно-сниженного.

Из научного медицинского дискурса наименование новой болезни быстро переключалось в дискурс юридический. Это происходит еще до объявления пандемии, сразу же после выявления нового штамма коронавирусов, и связано с необходимостью предотвратить проникновение опасной инфекции из Китая на территорию России. На высшем правительственном уровне принимаются постановления, где болезнь получает первое официальное наименование. 24 января 2020 г. Минюст России публикует за номером 57269 постановление Главного государственного санитарного врача РФ «О дополнительных мероприятиях по недопущению завоза и распространения *новой коронавирусной инфекции, вызванной 2019-nCoV*» (Консультант 2020).

Через неделю это название с небольшим сокращением внесится в официальный перечень заболеваний: постановление от 1 декабря 2004 г. № 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2004, № 49, ст. 4916) дополняется пунктом 16 следующего содержания: *коронавирусная инфекция (2019-nCoV)* (Правительство 2020).

Это название новой болезни фигурирует в заглавиях первых правительственных постановлений 2020 г., постепенно уступая место коллокации *новая коронавирусная инфекция (COVID-19)*.⁵ Авторы законодательных актов, ощущая тяжеловесность и

⁵ Назовем лишь некоторые документы: 19 марта 2020 г. выходит приказ Минздрава России за № 198н «О временном порядке организации работы медицинских организаций в целях реализации мер по профилактике и снижению рисков распространения *новой коронавирусной инфекции COVID-19*». 8 ноября 2021 г. обнародуют постановление Правительства Ленинградской области за № 709 «О внесении изменений в постановление Правительства Ленинградской области от 13 августа 2020 года № 573 «О мерах по предотвращению распространения *новой коронавирусной*

многосоставный характер этой коллокации, в тексте документов иногда упрощают ее до *новой коронавирусной инфекции* или используют вариант *COVID-19*, совпадающий с официальной версией ВОЗ.⁶

В отличие от юридического социолекта, стремящегося к точности и однозначности в трактовке нового явления, церковно-религиозный дискурс предпочитает иную стратегию номинации – максимально неопределенную. В марте 2020 г. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл утвердил текст новой молитвы, дабы испросить у Господа избавления от новой коронавирусной инфекции (Патриархат 2020). По данным РИА новости, 22 марта она впервые прозвучала на патриаршей службе во время Великого поста в одном храме в Переделкино и потом долго читалась во время литургии во всех храмах Русской Православной Церкви. Текст молитвы был написан на церковно-славянском языке, болезнь в нем называется не прямо, а с помощью эвфемизма. В названии молитвы ковид обозначается как «*вредоносное поветрие*», а непосредственно в тексте – как «*губительное поветрие на ны движимое*». Использованное в эвфемизме слово *поветрие* должно было напоминать, видимо, о том, что болезнь преимущественно передается воздушно-капельным путем. Нечеткость и туманность данной номинации кажется намеренной, ибо она соответствует давней логике табу, исходя из которой прямые указания на опасные явления и предметы могут вызвать к жизни сами эти явления. Показательно, что во всех пресс-релизах, расположенных на официальном сайте Московского Патриархата, употребляется прямое наименование коронавирусной инфекции. Однако в ритуальном тексте, произносимом во время богослужения, избегают называть одиозного врага напрямую, равно как и дьявола, заклятого врага рода человеческого, в церковной традиции предпочитают именовать с помощью эвфемизма.

инфекции (COVID-19) на территории Ленинградской области и признании утратившими силу отдельных постановлений Правительства Ленинградской области». Один из последних значимых документов с данной формулировкой был широко распространен Министерством здравоохранения России 26 октября 2023 г.; это 18 версия Временных методических рекомендаций «Профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» и т. д. (Консультант 2024).

6 Приведем несколько документов, содержащих данную номинацию: постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 18.03.2020 N 7 «Об обеспечении режима изоляции в целях предотвращения распространения COVID-2019»; постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 16.10.2020 N 31 «О дополнительных мерах по снижению рисков распространения COVID-19 в период сезонного подъема заболеваемости острыми респираторными вирусными инфекциями и гриппом» (Зарегистрировано в Минюсте России 17.11.2021 N 65867); официальное письмо Минздрава России от 18.06.2024 N 30-4/2753 «О вакцинации против COVID-19» и многие другие постановления и законодательные акты (Консультант 2024).

Русский язык использует разные стратегии номинации новой болезни (1) и вируса (2). В нейтральном стиле преобладают коллокации: (1) *ковидная болезнь, коронавирусная болезнь, ковидная инфекция, коронавирусная инфекция, модная болезнь, китайская чума, уханьская чума, чума XXI века, чума 2020 года, новая чума*; (2) *апокалиптический вирус, уханьский вирус, китайский вирус, уханьско-китайский вирус, вирус с короной*.

В разговорном стиле ведущими стратегиями являются аффиксальное словообразование, сложение, а также персонификация. Диапазон участвующих в деривации суффиксов охватывает наряду с регулярными и продуктивными нерегулярные и малопродуктивные единицы. В деривационные процессы одновременно вступают суффиксы различной семантики и стилистики: словообразовательный суффикс -оз, продуктивный в медицинской терминологии для обозначения заболеваний, связанных с тем, что названо мотивирующим словом (Ефремова 2005, 336), используется иронично, так как в научной терминологии он формирует название болезни, а не присоединяется к ее существующему наименованию (*ковидоз* ср. с *психоз, тромбоз*); -ин-, словообразовательный суффикс, образующий разговорные и просторечные синонимы мотивирующих имен существительных (Ефремова 2005, 197) (*ковидина* ср. со стилистикой слов *помидорина, дурачина*); очень продуктивный словообразовательный суффикс -к-, с помощью которого в разговорной речи создаются универбаты (Ефремова 2005, 237) (*ковидка, коронка, уханька* ср. с *неотложка, вечерка*); формообразовательный суффикс -ушк-, особенно продуктивный в разговорной речи и фольклоре (Ефремова 2005, 494) (*ковидушка, ковидушко, коронавирушка, коронушка*); суффиксы -ик с уменьшительным и -ищ- с увеличительным значением (*ковидик* и *коронавирусик*, *ковидище* и *коронище*); формообразовательные суффиксы -яш-, -яшк- с ласкательным и уменьшительно-ласкательным значением (Ефремова 2005, 77-8) (*короняша, короняшка*) и т. д.

Словообразование через сложение также носит ярко окрашенный разговорный, порой разговорно-сниженный характер и преимущественно исходит из четырех основ – *ковид-, корона-, коронавирус-, вирус-*, лишь изредка прибегая к игровому использованию основы *COVID* на латинице: *ковид-болячка, ковид-зараза/ COVID- зараза/ короназараза, ковид-хамелеон, короназавр, коронанапасть, коронахрень, коронасвинтус, короначума, короназьябра, барановирус, зомбовирус, лоховирус, пугаловирус, фуфловирус, хароновирус, COVID-мутант*. Экспрессия подобных словообразовательных моделей усиливается за счет персонификации: *ковид-проказник, ковид-старуха, ковид-враг, корона-гитлер, корона-дьявол, корона-разрушитель, коронавирус-жнец, коронавирус-убийца/ COVID-убийца, коронавирус-злюка, коронавирус-разлучник, коронавирус-пират, коронавирус-поганец* и т. д.

4 Краткое заключение

Неологический бум периода пандемии был обусловлен уникальной внеязыковой ситуацией и активным речетворчеством носителей русского языка. Проведенный анализ свидетельствует о том, что за предельно короткий период медицинские термины были освоены общелитературным языком, стали отправной точкой лавинообразных словообразовательных процессов, развили сложные отношения синонимии и полисемии и стали предметом развернутой стилистической дифференциации. На пике пандемии отмечается множественность и избыточность номинаций, которые часто носят окказиональный характер. Язык задействовал почти весь свой творческий потенциал, чтобы не только удовлетворить объективные потребности в номинации новых явлений, но и дать им разноплановую оценку во всем разнообразии коммуникативных ситуаций.

Мониторинг описанных новообразований в 2024 году свидетельствует о том, что в большей части они оказались сиюминутным, конситуативным и ярко оценочным ответом на события пандемии. Беспрецедентная асимметрия языкового знака наблюдалась недолго и ушла в прошлое. В литературный язык вошла лишь рассматриваемая здесь триада *коронавирус – корона – ковид*, ключевые свойства которой были очевидны и ранее благодаря циркулированию в более широком круге текстов и вовлеченности в разнообразные словообразовательные процессы.

Литература

- Вепрева, И.Т.; Куприна, Т.В. (2021). «COVID-19: ключевое слово коронавирусного лексикона на этапе графического усвоения в русском языке». Приемышева, М.Н. (отв. ред.), *Русский язык коронавирусной эпохи*. СПб: ИЛИ РАН, 91-100.
- ВОЗ, Всемирная организация здравоохранения (2020). <https://www.who.int/ru/news-room/detail/29-06-2020-covidtimeline>.
- Геккина, Е.Н. (2021). «К характеристике деривационных различий лексем ковид и коронавирус (семантико-словообразовательный аспект)». Приемышева, М.Н. (отв. ред.), *Русский язык коронавирусной эпохи*. СПб: ИЛИ РАН, 338-54.
- Грамота, Справочно-информационный портал о русском языке (2022). <https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%80%D1%83%D1%81&mode=spravka>.
- Громенко, Е.С. (2020). «Коронный» потенциал русского языка начала 2020 г.». Козловская, Н.В. (отв. ред.), *Новые слова и словари новых слов*. 2020. СПб: ИЛИ РАН, 45-64.
- Громенко, Е.С.; Павлова, А.С.; Приемышева, М.Н. (2020). «О “ковидно-коронавирусных” процессах в русском языке 2020 года». *Studia Slavica Hung*, 65(1), 51-70. <https://doi.org/10.1556/060.2020.00005>.

- Ефремова, Т.Ф. (2005). *Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка*. М.: АСТ: Астрель.
- Закстельская, Л.Я.; Шеболдов А.В. (1971). «Новая группа вирусов – корона-вирусы». *Вестник Академии медицинских наук СССР*, 26(1), 64–8.
- Зеленин, А.В.; Буцева, Т.Н. (2020). «От сидидомцев до коронапофигистов (Наименования лиц в период пандемии коронавируса)». *Русский язык в школе*, 81(6), 97–106. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2020-81-6-97-106>.
- Иомдин, Б.Л. (2012). «О “неправильном” использовании терминов: может ли язык ошибаться?». Апресян, Ю.Д. и др. (под ред.), *Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты*. М.: Языки славянской культуры, 233–51.
- Консультант, законодательство РФ кодексы и законы в последней редакции (2020). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343902/.
- Консультант, законодательство РФ кодексы и законы в последней редакции (2024). <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/t3245/?page=1>.
- Левина, С.Д. (2020). «Новая болезнь в глагольной лексике коронавирусной эпохи». Козловская, Н.В. (отв. ред.), *Новые слова и словари новых слов*. 2020. СПб: ИЛИ РАН, 157–66.
- Минеева, З.И. (2020). «Неодериваты в русском языке эпохи пандемии». Козловская, Н.В. (отв. ред.), *Новые слова и словари новых слов*. 2020. СПб: ИЛИ РАН, 167–77.
- Митурска-Бояновска, Й. (2021). «Словообразование в русском языке в эпоху коронавируса». Рацибурская, Л.В. (отв. ред.), *Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное*. Москва: Флинта, 459–69.
- Павлова, А.С. (2020). «Наименования коронавирусной инфекции COVID-19 в русском, английском и немецком языках: культурно-национальная специфика». Козловская, Н.В. (отв. ред.), *Новые слова и словари новых слов*. 2020. СПб: ИЛИ РАН, 126–38.
- Патриархат, официальный сайт Московского Патриархата (2020). <http://www.patriarchia.ru/db/text/5610433.html>.
- Правительство, официальный сайт правительства России (2020). <http://government.ru/docs/all/126028/>.
- Приемышева, М.Н. (2021а). «Ковидный лексикон русского языка: тенденции динамики лексико-семантической системы в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19». Приемышева, М.Н. (отв. ред.), *Русский язык коронавирусной эпохи*. СПб: ИЛИ РАН, 16–51.
- Приемышева, М.Н. (отв. ред.) (2021б). *Словарь русского языка коронавирусной эпохи*. СПб: ИЛИ РАН.
- Рацибурская, Л.В. (2021). «Новые словообразовательные гнезда с “коронавирусной” лексикой». Приемышева, М.Н. (отв. ред.), *Русский язык коронавирусной эпохи*. СПб: ИЛИ РАН, 355–77.
- Редкозубова, Е.А. (2020). «COVID–лексика: этимологический и словообразовательный аспекты (на материале русского, английского и немецкого языков)». *Гуманитарные и социальные науки*, 4, 193–200. <http://dx.doi.org/10.18522/2070-1403-2020-81-4-193-200>.
- Шеболдов, А.В. (1971). «Размножение вирусов в органах культурых фаллопиев труб человека». *Медицинский реферативный журнал. Раздел 3*, 14, 17–18.

- Щелканов, М.Ю. и др. (2020). «История изучения и современная классификация коронавирусов (Nidovirales: Coronaviridae)». *Инфекция и иммунитет*, 10(2), 221-46. <http://dx.doi.org/10.15789/2220-7619-НОИ-1412>.
- Янурик, С. (2021). «Новые английские заимствования в русском языке коронавирусной эпохи: контаминанты и композиты». Приемышева, М.Н. (отв. ред.), *Русский язык коронавирусной эпохи*. СПб: ИЛИ РАН, 470-94.
- Baggioni, D. (1974). «Dirigisme linguistique et néologie». *Langages*, 36, 53-66. <https://doi.org/10.3406/lgge.1974.2274>.
- Bailey, O.T. et al. (1949). «A murine virus (JHM) causing disseminated encephalomyelitis with extensive destruction of myelin. II. Pathology». *Journal of Experimental Medicine*, 90(3), 195-212. <https://doi.org/10.1084/jem.90.3.195>.
- Cheever, F.S. et al. (1949). «A murine virus (JHM) causing disseminated encephalomyelitis with extensive destruction of myelin. I. Isolation and Biological Properties of the Virus». *Journal of Experimental Medicine*, 90(3), 181-94. <https://doi.org/10.1084/jem.90.3.181>.
- Francki, R.I.B.; Fauquet, C.M.; Knudson, D.L.; Brown, F. (eds.) (1991). *Virus Taxonomy. Classification and Nomenclature of Viruses. Fifth Report of the International Committee on Taxonomy of Viruses*. Wien; NY: Springer-Verlag. Archives of Virology. Supplementa.
- Guespin, L.; Marcellesi, J.-B. (1986). «Pour la glottopolitique». *Langages*, 83, 5-34. <https://doi.org/10.3406/lgge.1986.2493>.
- Hamre, D.; Procknow, J. J. (1966). «A new virus isolated from the human respiratory tract». *Proceedings of the Society for Experimental Biology and Medicine*, 121(1), 190-3. <https://doi.org/10.3181/00379727-121-30734>.
- King, A.M.Q. et al. (eds.) (2011). *Virus Taxonomy Classification and Nomenclature of Viruses. Ninth Report of the International Committee on Taxonomy of Viruses*. Amsterdam: Elsevier Academic Press.
- Marazzini, C. (2020). *In margine a un'epidemia: risvolti linguistici di un virus*. <https://accademiadellacrusca.it/it/contenuti/in-margine-a-un-epidemia-risvolti-linguistici-di-un-virus/7895>.
- Pietrini, D. (2020). *Il mutamento (linguistico) del coronavirus. Parole nel turbine vasto*. https://www.treccani.it/magazine/lingua_italiana/articoli/parole/parole_nel_turbine_1.html.
- Pringle, C.R. (1996). «Virus taxonomy 1996 — a bulletin from the Xth International Congress of Virology in Jerusalem». *Archives of Virology*, 141(11), 2251-56. <https://doi.org/10.1007/BF01718231>.
- Schalk, A.F.; Hawn, M.C. (1931). «An apparently new respiratory disease of baby chicks». *Journal of American Veterinary Medical Association*, 78, 413-22.
- Tyrrell, D.A.; Bynoe, M.L. (1965). «Cultivation of a novel type of common-cold virus in organ cultures». *British Medical Journal*, 1(5448), 1467-70. <https://doi.org/10.1136/bmj.1.5448.1467>.
- «Virology: Coronaviruses» (1968). *Nature*, 220, 650. <https://doi.org/10.1038/220650b0>.
- Wildy, P. (1971). *Classification and Nomenclature of Viruses. First Report of the International Committee on Nomenclature of Viruses*. Basel: Karger.

